

Сирота Наум Михайлович, Хомелева Рамона Александровна

ГУМАНИТАРНАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИКИ ЗАПАДА

В статье раскрыты место и роль гуманитарной интервенции и её модификации "ответственности по защите" в геополитике Запада. Анализируется аргументация сторонников и оппонентов гуманитарного вмешательства. Излагается авторская точка зрения по вопросу о путях разрешения коллизии между базовыми принципами международного права – обеспечением суверенитета государств и защитой прав человека.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/2-1/47.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 2 (40): в 2-х ч. Ч. I. С. 171-175. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

12. Романович-Славатинский А. В. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1870. 594 с.
13. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1092. Оп. 1.
14. Российское законодательство X-XX вв. Документы крестьянской реформы. М.: Юридическая литература, 1989. Т. 7. 432 с.
15. Свод законов Российской империи (СЗРИ). СПб., 1832. Т. I. Кн. IV.
16. СЗРИ. СПб., 1832. Т. IX.
17. Шомпулев В. А. Записки старого помещика. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 360 с.

RUSSIAN NOBILITY'S LEGAL STATUS ON THE EVE AND DURING REFORMS OF THE 60-70S OF THE XIXTH CENTURY

Seliverstova Natal'ya Matveevna, Ph. D. in History, Associate Professor
D. Mendeleev University of Chemical Technology of Russia
nseliverstova@mail.ru

The article is devoted to the analysis of the Russian nobility's legal status changes both in the period that preceded the reforms of the 60-70s of the XIXth century and during the transformations. The author considers how the legislative legalization of the superior estate's main rights and privileges was conducted in the pre-reform epoch, which of them were preserved, and which were cancelled by autocracy during the period of serfdom abolition and subsequent reforms. All this allows understanding, which place the nobility took in the Russian society estate structure in the crucial period.

Key words and phrases: nobility; estate; legislation; hereditary nobility; personal nobility; landed gentry; nobility's cooperative organizations; serfdom abolition; reforms of the 60-70s of the XIXth century; autocracy.

УДК 32

Политология

В статье раскрыты место и роль гуманитарной интервенции и её модификации «ответственности по защите» в геополитике Запада. Анализируется аргументация сторонников и оппонентов гуманитарного вмешательства. Излагается авторская точка зрения по вопросу о путях разрешения коллизии между базовыми принципами международного права – обеспечением суверенитета государств и защитой прав человека.

Ключевые слова и фразы: гуманитарная катастрофа; гуманитарная интервенция; суверенитет; права человека; геноцид; вооружённый конфликт.

Сирота Наум Михайлович, д. полит. н., профессор
Хомелева Рамона Александровна, д. филос. н., профессор
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения
sirotanm@mail.ru

ГУМАНИТАРНАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИКИ ЗАПАДА[©]

В обстановке глобальной дестабилизации и социально-политических потрясений на Ближнем Востоке актуализировался вопрос о соотношении государственного суверенитета и необходимости защиты прав населения от геноцида, военных преступлений и этнических чисток. Авторы многочисленных публикаций по этой проблематике рассматривают прежде всего её правовые и этические аспекты. В этой связи следует упомянуть работы отечественных исследователей В. С. Котляр [1], О. Е. Лабюк [2], Ю. Н. Малеева [3], К. Л. Сазоновой [5], зарубежных исследователей и политиков Дж. Ная [11; 12], С. Райс [13], Г. Эванса [8] и др. Целью предлагаемой статьи является анализ места и роли гуманитарных интервенций как геополитического инструмента Запада в реформировании конфликтных регионов мира.

В мировом сообществе не сложилось единое мнение о содержании понятия и признаков гуманитарной интервенции. Под гуманитарной интервенцией обычно понимаются военные операции одних государств на территории других без согласия их правительств с целью предотвращения или пресечения масштабных нарушений прав человека, особенно права на жизнь, последующего поддержания стабильности и установления демократических норм правления.

Истоки гуманитарного вмешательства просматриваются в латиноамериканской политике «большой дубинки», декларированной президентом США Т. Рузвельтом в 1904-1905 гг. Предусматривалось право «цивилизованных наций» и прежде всего Соединённых Штатов на наведение порядка в отсталых и «неэффективных» странах.

В период холодной войны операции типа гуманитарных интервенций были практически неосуществимы ввиду противостояния двух блоков, находившихся в состоянии перманентной конфронтации, взаимных угроз и гонки вооружений. Введение вьетнамских войск в Камбоджу в декабре 1978 г. привело к свержению

[©] Сирота Н. М., Хомелева Р. А., 2014

полпотовского режима и позволило прекратить репрессивную деятельность красных кхмеров. Однако оно вызвало в мире противоречивую реакцию, поскольку наряду с гуманитарной преследовалась и политическая цель – установление контроля над территорией Камбоджи (1979-1989 гг.).

Гуманитарные интервенции – сравнительно новое явление в международных отношениях. Они стали возможными в условиях размывания границ между внутренним и внешним в жизни социумов, усиления плотности производственных, торговых, финансовых и информационных связей между государствами.

Концепция гуманитарной интервенции основывается на доминирующей в западной общественной мысли идее приоритета прав личности над интересами социума и правами государства. Впервые эта идея была сформулирована в 1987 г. профессором международного права Парижского университета Марио Беттати и основателем движения «Врачи без границ» Бернардом Кушнером, впоследствии министром иностранных дел Франции, в книге «Обязанность вмешиваться» [7]. Ключевой тезис книги: демократические государства имеют право и даже обязаны ради защиты прав человека вмешиваться в дела тех государств, где они нарушаются.

Благодаря концепции гуманитарной интервенции современная политическая мысль вплотную подошла к идее о том, что нарушения прав личности могут ставить под вопрос легитимность государственного суверенитета. В ситуациях, когда насилие над местным населением, религиозные и этнические чистки создают угрозу его праву на жизнь, страны-участники гуманитарных интервенций становятся гарантами соблюдения прав личности в чужой стране. Целью предпринимаемых действий является не военная победа, а создание основ правового порядка.

В первой половине 90-х гг. акциями «вооружённого вмешательства с целью защиты прав человека» были: установление на севере Ирака запретной зоны для полётов военной авиации (прежде всего турецкой) с целью защиты курдов от геноцида (1991 г.); гуманитарная операция в Сомали (1992-1993 гг.); бомбардировки боснийских сербов в Боснии и Герцеговине (1994-1995 гг.). Вместе с тем мировое сообщество не вмешалось в межэтнический конфликт в Руанде в 1994 г., жертвами которого стало около миллиона человек.

Идея «гуманитарной интервенции» впервые использовалась для обоснования бомбардировок Югославии авиацией стран НАТО в 1999 г. под предлогом защиты косовских албанцев. На практике она означала переход Запада к новому формату вооружённого вмешательства. Уже тогда экспертами констатировалось, что реакция Америки на кризис в Косово демонстрирует готовность «делать то, что ей кажется правильным, невзирая на международное право» [9, р. 6].

В 2000-е гг. страны Запада реализовали идею «гуманитарной интервенции» в трёх странах – Афганистане (2001 г.), Ираке (2003 г.) и Ливии (2011 г.). Во всех трёх случаях вооружённое вмешательство в том виде, в каком оно было осуществлено, не получило санкции СБ ООН. В обозримой перспективе объектом такой интервенции может стать Сирия.

В афганском случае операция осуществлялась в формате «государственной самообороны», с использованием лозунга защиты населения Афганистана от режима талибов. В Ираке акцентировалась проблема поиска оружия массового уничтожения как источника угрозы мировому сообществу. Позднее к ней была «подвёрстана» гуманитарная составляющая. В Ливии, где войска НАТО изначально были нацелены на смену режима, СБ ООН резолюцией № 1973 от 17 марта 2011 г. предоставил мандат лишь на обеспечение режима «бесполётной зоны» над страной «в целях защиты гражданского населения».

В результате военных операций гуманитарная ситуация не улучшилась, не было даже обеспечено относительное спокойствие. Более типичным, особенно в Ираке и Косово, оказалось получение преимуществ одной из сторон противостояния. Участниками гуманитарных интервенций ставились задачи достижения собственных геополитических целей и отработки сценариев вмешательства в других стратегически важных регионах мира.

Примером успешного вмешательства мирового сообщества в гуманитарных целях в 2000-е годы отчасти может быть признано урегулирование конфликта в суданской провинции Дарфур. Под давлением мирового сообщества правительство Судана и Суданское освободительное движение в 2006 г. подписали мирное соглашение, не сопровождавшееся попытками смены правящего режима.

Понятие «гуманитарная интервенция» прочно закрепилось в политическом лексиконе, однако идея проведения такого рода акций вызывает ожесточённые споры в мировом сообществе, поскольку вступает в противоречие с закреплёнными в уставе ООН принципами государственного суверенитета, территориальной целостности и верховных полномочий ООН.

Аргументация сторонников концепции гуманитарной интервенции, придерживающихся в основном либеральных ценностей, такова.

1. Неспособность государств предотвратить хаос, террор и преступления против человечности, т.е. обеспечить контроль над своей территорией, ставит под вопрос легитимность государственного суверенитета.

2. Раннее и решительное вмешательство в конфликтную ситуацию может стать эффективным сдерживающим средством предотвращения геноцида или позволит выиграть время для начала переговоров и оказания помощи населению.

Оппоненты концепции, в частности, руководство России, Китая, ряда развивающихся государств, выдвигают следующие аргументы.

1. Использование гуманитарной риторики используется для попыток перекройки политической карты мира, распространения американской гегемонии на регионы, богатые природными ресурсами.

2. Гуманитарная интервенция может провоцировать рост сепаратизма, стимулируя радикальные группы внутри религиозных и этнических меньшинств к обострению конфликтов в расчёте на победу с помощью миротворческих сил. По этому сценарию развивался конфликт в Ливии в 2011 г., завершившийся вторжением извне.

3. Трудно определить грань между защитой местного населения и военной агрессией, существует возможность злоупотребления гуманитарным вмешательством в качестве геополитического инструментария.

4. Гуманитарная интервенция может оказать дестабилизирующее воздействие на международные отношения, вызвать снижение предсказуемости и управляемости в мировой политике, усилить напряжённость.

5. Ресурсы для проведения эффективного вмешательства ограничены, поскольку основные операции последних 20 лет осуществлялись странами Запада, а воинские контингенты развивающихся государств плохо обучены для проведения таких операций.

Однако и среди сторонников гуманитарных интервенций нет единства. Для одних главное – в действительности и эффективности вмешательства, для других – в законности процедуры и возможности предотвращения злоупотреблений. Очевидно, что основу этого противоречия составляет сложность стыковки прав человека с принципом суверенитета государств и неприкосновенности их территорий.

Особую позицию по вопросу о гуманитарном военном вмешательстве занимают члены Совета Безопасности ООН Россия и Китай, что затрудняет достижение международного согласия по данной проблеме.

Россия отошла от позиции начала 1990-х гг., когда не только согласилась на введение войск НАТО в качестве миротворческих сил в Боснию и Герцеговину, но и сама приняла участие в этой акции. В настоящее время и на официальном уровне и на уровне обывденного сознания проявляется скептическое отношение к моральным основам гуманитарной интервенции, ставится под сомнение искренность побудительных мотивов западных стран. Аналогичной точки зрения придерживается и Китай, у которого существуют проблемы с населением Тибета и Синцзян-Уйгурского округа.

Диаметрально противоположный подход ведущих стран мира к самой необходимости проведения гуманитарных интервенций затрудняет или блокирует возможность получить санкции Совета Безопасности на их осуществление. В юридическом плане отсутствие такой санкции лишает гуманитарные интервенции легитимности. Сложившаяся ситуация приводит страны НАТО к решениям о допустимости вооружённого вмешательства с целью защиты прав человека без согласия СБ, вызывая демарши России и Китая.

Безусловно, гуманитарные интервенции вызываются не только альтруистическими соображениями, но нередко реальными политическими и / или экономическими интересами развитых государств. В этой связи принципиальное значение приобретает вопрос об установлении максимального числа простых и чётких условий осуществления вооружённого вмешательства, признаваемых и соблюдаемых, возможно, более широким кругом субъектов международного права.

С конца 90-х гг. мировым сообществом предпринимаются попытки разработать теоретическое и юридическое обоснование концепции гуманитарной интервенции.

По мнению известного учёного-международника Дж. Ная, одного из создателей концепции «умной силы», целесообразность осуществления гуманитарных интервенций должна определяться четырьмя принципами: если в глазах окружающих ваше дело – правое; если затраченные средства адекватны результату; если вероятность успеха достаточно высока и если, по возможности, гуманитарная задача сочетается с другими национальными интересами [12, р. 27-28].

Предлагаемые принципы представляются абстрактными и спорными ввиду неясности конкретного источника моральной санкции «гуманитарной интервенции», отсутствия объективных критериев для определения вероятности её успеха и адекватности затраченных средств достигнутому результату.

В целях создания правовых рамок для осуществления гуманитарных интервенций Генеральным секретарём ООН К. Аннаном в 2000 г. была инициирована выработка альтернативного сценария для защиты прав человека без согласия руководства государства, в котором они нарушаются. Учреждённой под эгидой ООН Международной комиссией по вопросам вмешательства и государственного суверенитета (МКВГС) в 2001 г. был представлен доклад «Ответственность по защите» (The Responsibility to Protect), в котором предлагалось отказаться от концепции «гуманитарной интервенции» в пользу концепции «ответственности по защите». В докладе подчёркивалась необходимость минимизации военного насилия при проведении гуманитарных операций, а иностранное вмешательство трактовалось как ответственность государств по защите населения другого государства в случае, если оно не в состоянии выполнить свои обязательства по защите собственных граждан. Ответственность мирового сообщества была обозначена в виде трёх задач – «предотвращать», «реагировать» и «перестраивать» [14].

В сентябре 2005 г. в ходе Всемирного саммита ООН все государства-члены официально признали концепцию «ответственности за защиту» гражданского населения от геноцида и жестокости. Однако до сих пор мировое сообщество не пришло к консенсусу относительно необходимости закрепления концепции в Уставе ООН в качестве обязывающей юридической нормы, нет ясности в отношении того, какие ситуации являются правомерным основанием для её применения.

В результате с точки зрения международного права концепция «ответственности по защите» не открывает перспективы преодоления международно-правового тупика, существующего вокруг гуманитарной интервенции. Решение вопроса о легитимности «гуманитарного вмешательства» остаётся прерогативой Совета Безопасности ООН.

Идея применения на практике концепции «ответственности по защите» в целом поддерживается экспертным сообществом и администрацией США. С конца 90-х гг. в экспертной среде сложился консенсус относительно того, что защита прав человека выходит за рамки исключительной внутренней компетенции государств. Преобладает мнение: принципы международного права и отсутствие легитимности не должны являться безусловным ограничителем действий отдельных государств, в частности, США, в ситуациях,

когда массово нарушаются права человека. Предлагается легитимизировать осуществление вооружённых операций ответственными или заинтересованными организациями и коалициями без санкций ООН, а также возможность одобрения подобных операций Советом Безопасности постфактум [13, р. 59-95].

В обнародованной в мае 2010 г. стратегии национальной безопасности США на среднесрочную перспективу содержится положение о том, что они одобряют концепцию «ответственности по защите» и намерены способствовать её реализации, действуя в двустороннем и многостороннем формате с союзниками, принимая дипломатические, гуманитарные, финансовые и – в некоторых случаях – военные меры для предотвращения геноцида и массовой жестокости» [10, р. 48].

Практическое наполнение вышеизложенные положения нашли в резолюции Совета Безопасности ООН 1973 г. от 17 марта 2011 г., которая наделила государства-члены организации правом принимать все необходимые меры для защиты гражданского населения и с целью решения этой задачи санкционировала создание бесполётной зоны над Ливией [4].

Военная операция против Ливии, проводившаяся под командованием США с 19 по 31 марта 2011 г., даёт шансы концепции «ответственности по защите» войти в концептуальный багаж внешней политики США и стать одним из значимых компонентов стратегии достижения и поддержания глобального лидерства.

С учётом имеющихся прецедентов можно прогнозировать, что в контексте формирующегося миропорядка концепция гуманитарной интервенции и её модификация «ответственности для защиты» останется идейной основой для реализации геополитических целей Запада [6, с. 161]. Она является результатом своеобразного консенсуса между соперничающими направлениями международно-политической теории – реализмом (с его акцентом на силе и проблемах безопасности) и идеализмом, сфокусированным на вопросах справедливости и морали. Гуманитарный интервенционизм представляет собой своеобразный синтез силовых методов решения проблем и морального подхода к политике.

Вышеизложенное даёт основание для следующих выводов.

В контексте формирующегося миропорядка силовое гуманитарное вмешательство относится к числу наиболее острых политических и идеологических проблем современности, не имеющих однозначного решения. Главной проблемой концепта гуманитарной интервенции является делегитимизация государственно-суверенитета через нарушение прав человека.

Для разрешения коллизии между базовыми принципами международного права – обеспечением суверенитета государств и защиты прав человека, с нашей точки зрения, было бы продуктивно:

1. признание на международно-правовом уровне права государств или коалиций применять силу для предотвращения гуманитарных катастроф в третьих странах в связи с массовыми нарушениями прав человека без санкции ООН, сформулировав чёткие условия такого вмешательства, которые признавались бы большей частью мирового сообщества;
2. изменение правил принятия решений по такого рода вопросам в Совете Безопасности, например, путём отмены права вето при голосовании;
3. вынесение наиболее сложных вопросов на рассмотрение чрезвычайных специальных сессий Генеральной Ассамблеи ООН.

Мировому сообществу предстоит чётко определить содержание международно-правовых дефиниций «гуманитарная интервенция» и «ответственность за защиту», найти ответы на следующие вопросы: что такое «гуманитарная катастрофа» и кто имеет право квалифицировать ситуацию как «гуманитарную катастрофу»; кто должен принимать решения о той или иной форме вмешательства во внутренние дела суверенных государств по «гуманитарным причинам», санкционировать и реализовывать соответствующие акции; кто сможет гарантировать, чтобы «гуманитарная интервенция» не была использована как прикрытие своекорыстных геополитических и геоэкономических интересов осуществляющих её государств; как исключить или минимизировать ущерб гражданскому населению страны, в дела которой осуществляется «вмешательство по гуманитарным причинам»; как обеспечить универсальность применения принципа «гуманитарного вмешательства».

Список литературы

1. **Котляр В. С.** Концепция «ответственности за защиту» как проект кодекса проведения гуманитарных интервенций // Международное публичное и частное право. 2005. № 3 (24). С. 44-48; № 4 (25). С. 53-55.
2. **Лабюк О. Е.** «Ответственность по защите» и право на вмешательство // Международные процессы. 2008. № 3. С. 59-66.
3. **Малеев Ю. Н.** Концептуальное обоснование превентивной гуманитарной интервенции // Международное право. 2009. № 2. С. 6-33.
4. **Резолюция 1973 (2011), принятая Советом Безопасности на его 6498-м заседании 17 марта 2011 года 12** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.docme.ru/doc/16921/rezolyuciya-oon-1973> (дата обращения: 12.01.2014).
5. **Сафонова К. Л.** Концепция «ответственность за защиту» в миротворческой деятельности Организации Объединённых Наций // Юридическая наука. 2012. № 1. С. 96-100.
6. **Сирота Н. М.** Глобальный миропорядок: акторы и тренды становления // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (30). Ч. 1. С. 157-164.
7. **Bettati M., Kouchner D.** Le devoir d'intelligence: peut-on les laisser mourir? Paris: Denoel publishers, 1987. 320 p.
8. **Evans G.** The Responsibility to Protect: Ending Mass Atrocity Crimes. Once and For All. Publisher: Brookings Institution Press, 2008. 349 p.
9. **Glennon M.** The New Interventionism: the Search for a Just International Law // Foreign Affairs. 1999. Vol. 78. № 3. P. 3-7.

10. **National Security Strategy – the White House** [Электронный ресурс]. URL: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf (дата обращения: 06.09.2013).
11. **Nye J.** Bound to Lead: the Changing Nature of American Power. N. Y.: Basic Books, 2003. 336 p.
12. **Nye J.** Redefining the National Interest // Foreign Affairs. 1999. Vol. 78. № 4. P. 23-32.
13. **Rice S. E., Loomis A. J.** The Evolution of Humanitarian Intervention and the Responsibility to Protect // Beyond Preemption: Force and Legitimacy in a Changing World / ed. by Ivo H. Daalder. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2007. 179 p.
14. **The Responsibility to Protect** [Электронный ресурс]: Report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty. URL: http://web.idrc.ca/en/ev-9436-201-1-DO_TOPIC.html (дата обращения: 12.09.2013).

HUMANITARIAN INTERVENTION IN CONTEXT OF WEST GEOPOLITICS

Sirota Naum Mikhailovich, Doctor in Political Sciences, Professor
Khomeleva Ramona Aleksandrovna, Doctor in Philosophy, Professor
Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation
sirotanm@mail.ru

The article reveals the place and role of humanitarian intervention and its modifications of ‘responsibility to protect’ in the geopolitics of the West. The argumentation of the supporters and opponents of humanitarian intervention is analyzed. The authors’ point of view on ways to resolve the conflict between the basic principles of international law – ensuring the sovereignty of states and the protection of human rights – is given.

Key words and phrases: humanitarian disaster; humanitarian intervention; sovereignty; human rights; genocide; armed conflict.

УДК 027.1(470)+929 Кайсаров

Исторические науки и археология

В статье рассматривается научная деятельность русского слависта Андрея Сергеевича Кайсарова. Путешествуя в 1803-1804 гг. по Сербии, Словении, Хорватии, Чехии, он собрал большой историко-этнографический и лингвистический материал, на основе которого написал книгу «Опыт славянской мифологии» и составил первый словарь славянских сравнительных наречий. А. С. Кайсарова с полным основанием можно считать одним из основоположников отечественного славяноведения.

Ключевые слова и фразы: история; книга; славяноведение; словарь; путешествие; университет.

Спикина Елена Эдуардовна

Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
spikina2013@yandex.ru

У ИСТОКОВ ОТЕЧЕСТВЕННОГО СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ: А. С. КАЙСАРОВ[©]

В истории отечественного славяноведения видное место принадлежит А. С. Кайсарову – учёному, просветителю, гражданину.

Андрей Сергеевич Кайсаров родился в 1782 г. в Саратовской губернии. Учился в Благородном пансионе при Московском университете, затем продолжил образование за границей, в Гёттингенском университете. Здесь он изучал историю, философию, естественные науки, европейские, а также древнегреческий и латинский языки. Под влиянием лекций А. Л. Шлёцера, читавшего курс общей и русской истории, у А. С. Кайсарова проявился интерес к истории южных славян и их языку. «Вникая в бытописание русских, уверился я самым опытом, что нельзя быть искусным русским историком, не узнав других словен», – признавался А. С. Кайсаров в одном из писем И. П. Тургеневу [11, с. 33]. С целью более глубокого изучения славянской истории он вместе с А. И. Тургеневым в 1804 г. совершил путешествие по славянским землям.

В апреле 1804 г. А. С. Кайсаров и А. И. Тургенев выехали из Гёттингена и направились в земли лужицких сербов. Первую длительную остановку друзья сделали в Бауцене. «В Бауцене, – сообщал А. И. Тургенев родителям, – пробыли двое суток и едва успели осмотреть всё то примечательное, что мы нашли для себя по славянской истории. Нельзя представить себе, как приятно ходить по тем местам, кои сперва были нам известны по одним только пыльным хроникам» [Там же, с. 34].

В Гёрлице путешественники познакомились с исследователем культуры и языка лужицких сербов К. Антоном, который разрешил им работать с древнеславянскими рукописями в своей библиотеке. В Праге А. С. Кайсаров и А. И. Тургенев посетили большого знатока чешской литературы и истории – профессора Пражского университета Я. Неэдлу. В Сербии А. С. Кайсаров и А. И. Тургенев были приняты сербским митрополитом С. Стратимировичем, с которым у них установились дружеские отношения, а после отъезда завязалась оживлённая переписка. На протяжении нескольких дней А. С. Кайсаров и А. И. Тургенев работали в обширной